

Б.И. Максимов,
maximovbi@mail.ru

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ И СО-ТВОРЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация: Статья отражает опыт исследования социальных изменений (трансформаций) и участия в их реализации в составе Социологического института РАН на протяжении длительного времени, совпадающего с периодом реформирования российского общества, экономики и управления. Отражены результаты анализа процессов демократизации, в т.ч. в сфере производства, взаимодействия российских предприятий с иностранными компаниями, исследования динамики рабочего движения и трансформаций в социально-трудовой сфере, включая инновационную деятельность.

Ключевые слова: социальные трансформации, субъекты, социальные акторы, социальные механизмы, социальные трансформации, процессы демократизации, производственная демократия, общественные движения, рабочее движение, социально-трудовая сфера, занятость, оплата, условия труда, инновационное развитие, инновационная деятельность.

Предмет наблюдений — трансформации

Все прошедшие 20 лет Социологический институт РАН и его сотрудники были не только активными исследователями процессов демократизации и изменений социально-трудовых отношений, но нередко и участниками, со-творцами процесса преобразований, как бы осуществляли социологическое сопровождение изменений (реформ). Его результаты далеко не всегда были востребованы в полной мере, но они вырабатывались, представлялись в публикациях и иных формах.

Поскольку нам, как исследователям, довелось «жить в эпоху перемен», деятельность института началась в условиях изменений, и предметом наших исследований были происходящие перемены. Именно

они доминировали в общественной жизни, притом происходили так быстро, что трудно было поспевать за ними; важное сегодня уже устарело завтра. В этих условиях стоило (волей-неволей) рассматривать именно изменения. Если ранее мы изучали статику, связи, сложившиеся отношения, то теперь надо было следить за тем, как они ломаются, разрушаются, как появляется новое и что оно несет. И социологи прилагали усилия, чтобы поспевать за изменениями, в т. ч. используя мобильные способы сбора, анализа информации (например, уличные опросы, практиковавшиеся группой Л.Е. Кесельмана).

Этот период изменений, как известно, сейчас трактуют и называют по-разному. Одни считают его революцией (В.А. Май, Е.Г. Ясин и др.), другие не согласны с ними, полагая, что до революции изменения «не дотягивают», им не хватает вооруженной борьбы, прихода к власти нового класса, широкого общественного движения и т. п. Т.И. Заславская говорит, что всего лишь «мы стали свидетелями завершения постепенного... антисоциалистического разворота власти, а вслед за ней и общества»¹. От западных социологов пришло достаточно нейтральное понятие «транзит» («российский транзит»); левые, коммунисты говорили даже о «контрреволюции» и т. д. На мой взгляд, изменения все же следует считать революционными — в том смысле, что они были коренными, означали, по сути дела, смену общественного строя. Если некоторые формальные черты понятия революции и отсутствовали, то главное — переворот во всех сферах жизни — налицо.

Не углубляясь в данную проблематику, можно отметить, что, во всяком случае, по своему характеру то был период трансформаций (социальных и других). Этот удачный термин был выработан социологами и вошел в широкий обиход, отражая, как известно, решающую роль в современных обществах деятельных социальных субъектов (акторов) (не господство объективных законов), порождающих преобразования, вступающих во взаимодействия, образующие социальные механизмы, обладающие, в свою очередь, такими чертами, как устойчивость, универсальность, способность регулировать социальные процессы. Одна из главных черт — результат взаимодействия — представляет собой равнодействующую от сложения социальных сил, статусов, авторитетов, энергии и т. п. субъектов, т. е. трансформации, практически носящие характер стихийности.

¹ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2003. С. 187–188.

Значение трансформационного, деятельностно-активистского подхода подчеркивает В.А. Ядов²; на практике его особенно плодотворно использовала Т.И. Заславская при анализе социетальных трансформаций³; применяли его и сотрудники института. В отличие от реформаторов, планирующих точные изменения, социологи давали понять, что «чистого результата» в общественной жизни не бывает.

В процессах демократизации в социально-трудовой и других сферах, которые довелось наблюдать, имели место изменения именно по типу трансформаций, на «выходе» получалось нечто отличающееся от планируемого «на входе». Наглядно это можно увидеть, например, на процессах реформирования отношений собственности. Рассмотрение именно «трансформаций» — существенная особенность «наблюдений».

Трудно в одной статье отразить результаты исследований за двадцать лет. Наибольшую часть статьи я отдаю краткому изложению выводов исследования по последнему во времени НИП «Трансформации в социально-трудовой сфере: динамика, субъекты, связь с инновационным развитием». По другим проектам приводятся только обобщенные выводы, со ссылками на публикации (иное просто невозможно, если учесть большое число публикаций за рассматриваемый период). Обозначение ряда выполненных проектов отражает в т. ч. последовательность возникновения проблем, на которые откликались социологи, сотрудники института.

Трансформации процессов демократизации

На первых этапах перестройки доминирующими, как известно, были процессы демократизации, начинавшиеся, между прочим, в производственной сфере, распространившиеся затем и на другие сферы. Институт не мог остаться в стороне от исследования этих процессов. Социологи нередко включались и в различные формы демократического движения, охватившего всю страну.

Было показано, что процесс «демократизации снизу» является весьма важным и в то же время проблемным. Как известно, на начальных этапах изменения задавались сверху, в форме «революции сверху», и чрезвычайно важным был отклик «снизу», который нередко отсут-

² Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2006.

³ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества.

ствовал или был неадекватным (недаром существовал анекдот: «Что такое перестройка? Это когда лес шумит, верхушки деревьев качаются, шишки падают, а внизу тихо, спокойно»). Важно было понять, почему преобразования носят верхушечный характер, каковы факторы этого явления. Мною был получен грант именно на эту тему («Процесс демократизации снизу...»), и я приступил к анализу.

Его выводы оказались в значительной части актуальными. Функции демократизации снизу были разнообразными — энергетическая, ростковая, постановки проблем, вовлечения в управление широких масс населения, их политизации, выработки демократических процедур, формирования механизмов самоуправления, оппонирования. Анализ показывал, например: чтобы реально заработал совет трудового коллектива, в его деятельность должен был включиться весь коллектив. На деле отклик нередко, как уже отмечалось, нелогично отсутствовал или был неадекватным. В деятельность упомянутых спущенных сверху советов трудовых коллективов, наделенных большими полномочиями, работники не втягивались, она как бы «повисала», существовавшие СТК становились формальными или их использовала в своих целях администрация. Образовалось множество общественных объединений в форме групп, клубов, ассоциаций, обществ, фронтов, союзов и т. п. общественно-политической, культурной, экологической, религиозной и др. направленностей. Так, например, Информационный бюллетень Северо-Западного отделения ССА 1989 г. сообщал о 55-ти образованиях в Ленинграде, причем в этот список входили далеко не все⁴. Появились и реальные массовые выступления, в первую очередь, как известно, шахтерские. Казалось бы, в лице объединений создалась широкая социальная база перестройки. Но анализ показывал, что установки сверху не совпадали с ожиданиями снизу, реформаторы не делали усилий по втягиванию широких масс населения в процессы демократизации, и общественное демократическое движение, которое, казалось бы, должно поддерживать изменения, достаточно парадоксальным образом трансформировалось в основной своей части в оппозиционную активность. Так, А.А. Темкина, в то время сотрудница Института, первый исследователь рабочего движения в Ленинграде, отмечает его оппозиционный относительно власти характер⁵. И одной из первых причин этого стала позиция самих первых демократизаторов,

⁴ Общественные движения Ленинграда. Информационный бюллетень. Л., 1989.

⁵ Темкина А.А. Рабочее движение в Ленинграде — Петербурге (конец 80-х — начало 90-х гг.) // Новое рабочее и профсоюзное движение в Ленинграде — Санкт-Петербурге (конец 80-х — начало 90-х гг.). М.: РАФ ПРОФИО, 1994. С. 63.

выражающаяся в жесткой регламентации демократических институтов и процедур, в несоответствии ожиданиям снизу. Демократия насаждалась методами и руками той же административно-командной системы, что вызывало естественный протест. Вторым (можно сказать — вечным) врагом инициативы снизу была формализация многих видов демократических установлений (например, упомянутых СТК). Далее, важным фактором стало опережающее развитие демократического процесса, набравшего силу и уже не могущего втиснуться в спущенные сверху рамки или ждать, когда они будут расширены. Приоткрыв шлюзы, власть уже не могла справиться с хлынувшими потоками. Ввиду этого и демократизация сверху трансформировалась в свою противоположность, по крайней мере — в регламентацию демократического процесса. Процесс демократизации в целом пошел как-то «не так».

Предметом отдельного анализа для меня и нашего сектора были трансформации субъектов демократизации из производственной сферы — трудовых коллективов, рабочих организаций (рабочего движения), профсоюзов.

Трудовым коллективам, как известно, и в доперестроечное время приписывался статус «основных ячеек общества», их субъектность было «прописана» в экономической, социальной, политической сферах (по Закону о трудовых коллективах она выражалась в 72-х видах и более 100 отдельных функциях⁶. Но то были скорее формальные функции; в период перестройки они стали реальными, вдобавок были спущены и неслыханные ранее права по хозяйственной самостоятельности, самоуправлению, в т. ч. выборности руководителей. На производственные организации делалась ставка как на взламывателей административно-командной системы снизу. Социологический анализ показывал, что во многих случаях эти установки нашли отклик в движении за самостоятельность предприятий, за сохранение предприятий за коллективами, за реализацию прав коллективов в самоуправлении, в т. ч. в связи с выборностью руководства. Трудовые коллективы осуществляли ставшие реальными политические полномочия. Выводы, относящиеся к этому этапу, состояли в том, что повышенная субъектность трудовых организаций была обусловлена «переходными» факторами, но не оказывалась чужеродной для этих организаций (во всяком случае, в тех условиях).

Против «разгула демократии» были приняты известные меры, прежде всего со стороны топ-менеджмента, становящегося фактиче-

⁶ Закон СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. М.: Юридическая литература, 1985.

ским хозяином предприятий. Прежде всего, это превращение (трансформирование) самоуправления в формальное, взятие его в руки руководства; трансформирование коллективного владения в корпоративную собственность, фактическое отстранение трудовых коллективов от участия в акционерном управлении. При этом ограничения вводились сразу с двух сторон — реформаторов (власти) и собственной администрации. Выборность руководства была представлена как вредная для производства. Наши данные не подтверждали «вреда» выборности руководства, показывали приемлемость, эффективность производственного самоуправления, то, что оно не изжило себя, а было подавлено административными методами и последующей волной приватизации (это подтверждают и результаты других исследователей)⁷. В частности, вполне адекватной выглядела политическая активность трудовых коллективов. Так, например, Кировский завод проводил в Государственную Думу в качестве депутатов, последовательно, двух своих представителей, притом даже тогда, когда основными игроками на политическом поле стали партии. Можно было наблюдать активную позицию трудовых коллективов и относительно процессов приватизации, участия в акционерном управлении, борьбы за коллективную собственность, против «чужих» (стоит только вспомнить собрания на стадионах). Анализ показывал, что и эта активность была просто ограничена, формализована.

На примере реакции трудящихся на ограничения в акционерном участии социологи показывали трансформационность процессов. Предыдущая активность не уложилась в деятельность в отведенных рамках, не превратилась в сопротивление, а перешла в самоотчуждение, что выразилось в известном процессе «избавления от акций», отказа от участия в акционерных собраниях, в позиции отстранения от дел своего подразделения, «ухода в себя» — в процессах, в общем-то, ущербных и для работников, и для самого производства. Вопрос о том, могли бы трудовые коллективы стать эффективными владельцами и управляющими производственных организаций, остался в основном открытым (результаты исследований в этом направлении отражены в наших публикациях⁸).

В течение длительного времени велись наблюдения трансформаций профсоюзных объединений (организаций). Здесь изменения ока-

⁷ Столяр И.Г. Совет трудового коллектива: опыт, проблемы. М.: Экономика, 1990.

⁸ Максимов Б.И. 1) Ориентации сознания и коллективные действия в производственных организациях // Образ мыслей и образ жизни. М., 1996. С. 65–71; 2) Положение, социально-трудовые права рабочих в 1990-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 3.

зывались скорее ожидаемыми, чем реальными. Традиционно профсоюзы, как известно, были в советское время в основном формальными организациями. В принципе, они должны были стать существенными со-субъектами процессов демократизации, реформирования экономики, социально-трудовых отношений. Однако парадоксальным образом профсоюзы оставались наименее реформированными организациями, их деятельность — по-прежнему формальной, во многом имитационной, что показал, в частности, анализ внушительных, казалось бы, действий — общероссийских акций протеста, организуемых ФНПР. Изучение причин инерции традиционных профсоюзов выявило ряд факторов (сохранение профсоюзной номенклатуры, прежних принципов построения организаций, давление администрации, пассивность работников, их страх, рост индивидуализма и др.). Однако во многом причины неизменности профорганизаций остаются непонятными, процесс эволюции объединений — проблемным. Альтернативные профсоюзы, которые, по идее, должны были вытеснить традиционные организации, заставить их трансформироваться, на первом этапе реформ сыграли важную роль, соответствующую истинному назначению объединений, но вместо ожидаемого расширения их роль во многих случаях сходилась на нет. Здесь основной причиной оказывалась позиция неподдержки работниками в условиях, когда на новые организации оказывалось давление со стороны администрации (более подробно об этом см. в книге⁹). Сделанные мною выводы состояли в том, что профсоюзная система в целом нуждается в коренной перестройке, скорее по типу альтернативных организаций. Однако, поскольку законодатели ориентируются на традиционные профсоюзы и наблюдается непреходящая пассивность работников (подпитываемая страхом), разумными являются предложения о создании полугосударственных (не самодеятельных) организаций по регулированию отношений между работодателями и наемными работниками.

Одними из потенциально главных акторов процессов демократизации в различных сферах были общественные движения (ОД). На начальном этапе перестройки они бурно развивались. Для их изучения в институте был создан сектор социологии общественных движений. Первоочередным объектом внимания стали политические общественные движения. Для изучения их изнутри социологи-сотрудники института сами входили в движения, анализировали их состав, организацию, коллективные действия. Сотрудница сектора Е.А. Здравомыслова

⁹ *Максимов Б.И.* Трудовые коллективы, рабочее движение и профсоюзы в процессе трансформаций. СПб.: Наука, 2001.

обобщила опыт зарубежной социологии по исследованию ОД, применимость парадигм западной социологии в российских условиях. Было показано, что в общественных движениях происходит процесс созревания социальной энергии, формирования идей; ОД выступали основными оппонентами власти. По одной из концепций общественных движений, в них рождаются новые формы жизни, формируются традиции, нормы, ценности, идеология¹⁰. Была показана жизненность ОД, выражающих интересы различных групп граждан, снято настороженное, а то и враждебное отношение к общественным движениям, налажено (с участием социологов) дело их регистрации.

Интересные данные были получены при наблюдении процесса институционализации общественных движений (и организаций). По теории ОД, институционализация означает завершение жизненного цикла, конец движения. Движение поглощается организацией, превращается в институт или приобретает свой легитимный статус¹¹. Российские ОД стремились к институционализации в форме кооптации, основным видом которой стали выборы в органы власти различных уровней. Представители объединений входят в органы власти, чтобы здесь реализовать программы движений. При этом предполагалось, что материнские организации ОД будут базой для деятельности их представителей (в т. ч. депутатов), вошедших в органы власти. На первых порах так и происходило, движения получили во властных органах свои площадки. Но довольно скоро связь между движениями и их представителями (как правило, бывшими лидерами) начала разрушаться. Движения оказывались не только отодвинутыми, «брошенными», но и начинали разрушаться ввиду отсутствия лидеров, на которых нередко они держались, выпадения оппонентов в лице органов власти (не выступать же против своих!). Таким образом, волна демократизации в лице деятельности демократических общественных движений заканчивалась с их институционализацией¹².

Как она продолжалась внутри «демократически избранных» и, по ожиданиям, демократических и по характеру представительных органов власти — для наблюдения за этим процессом «изнутри» было осуществлено прохождение социологов института в депутаты представительного органа власти. Результаты наблюдения частично

¹⁰ *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. С. 51.

¹¹ Там же. С. 45, 51–53, 15, 143.

¹² *Максимов Б.И.* Неформалы в городском совете // Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования. Кн. 2. М.; СПб.: ИС РАН, 1993. С. 214–227.

отражены в нашей работе¹³. Здесь ввиду ограниченности места можно отметить только то, что программы материнских ОД, как и персональные программы кандидатов, претендующих на роль лидеров, были отставлены (в т. ч. ввиду множества других проблем, не предусмотренных ранее»). В рамках органов власти организовывались другие объединения, структуры (в форме фракций, комиссий, комитетов), не соотносимые с общественными движениями; деятельность «демократического» органа власти определялась уже другими задачами (в значительной части — внутренними). Предвыборные обещания, наказания избирателей оказались забытыми.

Таким образом, для российских ОД институционализация означала их конец, причем не трансформацию в другую общественную структуру и продолжение существования в другом виде, а именно конец (смерть) в полном смысле слова, т. к. кооптированные представители порывали с ОД, осуществляли другую деятельность¹⁴. С институционализацией основных ОД закончилась и волна демократизации в лице их деятельности.

Развитие взаимодействия российских предприятий с иностранными компаниями

В процессе реформирования производства приобрело актуальность взаимодействие (сотрудничество, кооперация) российских предприятий с зарубежными компаниями. В начале 1990-х предприятия с иностранным участием были расширяющейся, перспективной сферой российской экономики, заслуживающей внимательного и разностороннего изучения. С российской стороны наблюдалась сильная ориентация на сотрудничество с Западом. Особое место среди приходящих в Россию зарубежных фирм занимают транснациональные компании (ТНК), на примере деятельности которых можно было наблюдать характер влияния на российское производство процессов глобализации мировой экономики. По грантам фонда «Открытое общество» и от МОТ (Международная организация труда) нами было проведено исследование этих процессов с охватом 17-ти предприятий, осуществляющих между-

¹³ *Максимов Б.И.* О деятельности Ленсовета // Автобиография Петербургского горсовета (Ленсовета XXI созыва). СПб.: Изд-во «Роза мира», 2005. С. 681–684.

¹⁴ *Максимов Б.И.* Трудовые отношения и положение рабочих на предприятиях ТНК // Трудовые отношения на предприятиях с иностранным участием. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2000. С. 117–178.

народное сотрудничество в различных формах, в шести городах РФ и одном городе Украины. Особенно детально исследовалось предприятие «Северное сияние», входящее в ТНК «Юнилевер».

Анализ показал явную противоречивость процессов, в т. ч. с точки зрения интересов работников, трудовых коллективов. С одной стороны, иностранные компании приносили инвестиции в оборудование, технологии, поднимали производство, культуру труда, иногда буквально спасали предприятия, обеспечивали занятость, улучшали условия труда, повышали заработную плату и, кроме всего, моральный дух; с другой стороны, постепенно вытесняли отечественную продукцию, меняли профиль предприятия и производили сокращение численности работников (нарушая обещания), вводили непривычные формы трудовых отношений и т. п.

На примере «Северного сияния» можно было наблюдать, что означает приход ТНК, которые считаются основными агентами глобализации, при этом нередко изображаются в виде чудовищ, высасывающих кровь из тела российской экономики. На деле ТНК выглядели не так страшно, хотя работников и одолевал страх, когда они «продавались иностранному капиталу». Приход ТНК означал обновление предприятия, начиная от ремонта социально-бытовых помещений, внедрения прогрессивных технологий, оборудования, заканчивая трансформацией социально-трудовых отношений. Поначалу работники считали, что «им повезло». Однако через год-два начиналось вытеснение отечественной продукции, иногда уникальной для России, сокращение кадров (правда, смягчаемое выдачей выходного пособия в размере годовой заработной платы), «метастазирование» компании в другие города, усиление дифференциации персонала. В отдельных случаях производственное предприятие трансформировалось в торгово-сбытовую организацию¹⁵. Отсюда следовало, что процессы глобализации производства нуждаются в оценке и регулировании со стороны национальных властей.

Рабочие как объект и субъект трансформаций

Одним из основных упомянутых общественных движений периода «российского транзита» было рабочее движение (РД). Оно изучалось сектором общественных движений. По гранту фонда Макаратуров было проведено согласованное с плановой тематикой исследование динамики

¹⁵ Максимов Б.И. Трудовые отношения и положение рабочих на предприятиях ТНК.

(трансформаций) положения рабочих, в т. ч. реализации их социально-трудовых прав, субъективного восприятия изменений, ориентаций на действия и самих реальных действий (рабочего движения). Рассматривались изменения в численности и составе рабочих, их место в социальной структуре общества; в положении рабочих предметом анализа были занятость, оплата труда, ее роль в формировании доходов, условия труда, социальное страхование, участие в управлении. Кроме того, изучалась профсоюзная составляющая РД и возможные перспективы изменения положения и действий рабочих; сформулировались возможные сценарии деятельности. Интерес к теме обуславливался главным образом намерением рассмотреть на примере одной из основных групп экономически активного населения так называемую «цену реформ» и получить ответ на вопрос: какого поведения, каких действий можно ожидать от рабочих в процессе «российского транзита». Насколько сохранились положения известной марксистской концепции, по которой рабочие являются если уж не «движущей силой исторического развития в процессе перехода...», то, по крайней мере, наиболее солидарной, способной к организации, склонной к протесту, нередко «готовой идти до конца». Сохранил ли рабочий класс эти свои качества, сохранился ли он вообще, какую роль он играет в весьма противоречивой ситуации «российского транзита», представляет ли рабочее движение социальную силу, способную изменить ход общественных преобразований (реформ).

Результаты исследования были представлены нами в монографии¹⁶. Остановимся на выводах, по которым имеется динамика со времени проведения исследования, не сформулированным тогда, полученным в процессе осуществления НИП «Трансформации в социально-трудовой сфере» (2006–2008 гг.).

Численность рабочих существенно уменьшилась, особенно в промышленности, в период экономического кризиса 1990-х гг. Но это произошло в основном не вследствие реструктуризации производства (и выхода на уровень развитых стран), а по причине именно кризиса. Уменьшение численности рабочих рассматривается нами как потери, неоправданная растрата человеческих ресурсов, приведшая к деградации корпуса рабочих кадров, их дефициту к концу 1990-х гг. На этапе стабилизации производства, при наступлении последнего экономического кризиса, взятии курса на инновационное развитие продолжает существовать тенденция медленного сокращения индустриального

¹⁶ *Максимов Б.И.* Рабочие в реформируемой России, 1990 – начало 2000 гг. СПб.: Наука, 2004.

труда. Но это не означает сегодняшнего «исчезновения рабочего класса», в т. ч. посредством различных структураций, как полагают некоторые исследователи. Тенденцию нельзя трактовать как необходимость. В России, во всяком случае, нельзя мгновенно избавиться от индустриального производства, шагнуть в общество знаний, нанотехнологий. В обозримой перспективе рабочие будут составлять абсолютно и относительно наибольшую группу занятых в экономике.

Положение рабочих в 1990-е гг. ухудшилось практически по всем параметрам, относительно других социально-профессиональных групп, в т. ч. по части нарушения социально-трудовых прав человека: рабочие заплатили самую высокую цену за прогрессивные по замыслам реформы. На этапе стабилизации производства положение рабочих улучшилось, в первую очередь в отношении занятости, но не в такой мере, как это выглядит, например, по цифрам роста номинальной заработной платы. Улучшение скрадывается увеличением числа переработок, замедленным улучшением реального материального положения, условий труда. При видимом значительном росте номинальной заработной платы реальная зарплата только еще выходит на дореформенный уровень, сохраняются ущемления социально-трудовых прав рабочих в целом, низкий социальный статус (престиж) рабочих профессий. Текущий экономический кризис (хотя и другой природы) съедает и улучшение по части занятости.

Сделанный ранее вывод об отсутствии непосредственной связи между положением рабочих и уровнем их социальной активности подтверждается отсутствием повышения данной активности на этапе стабилизации и даже оживления производства (либо оживления на самом деле не было, а может быть, российские рабочие не воспользовались им).

Социальная активность рабочих в 1990-е гг. проявилась в самых различных формах, что подтвердило положение о рабочем классе как особой социальной группе. В то же время эта активность носила достаточно ущербный характер — она была в основном протестной, при этом преимущественно по одной причине (задержки заработной платы), имела характер разрозненных выступлений, при отсутствии координирующих организаций и, соответственно, отсутствии широких выступлений в масштабах регионов, всей страны (за исключением протестных акций шахтеров). Упомянутые всероссийские акции протеста, организовывавшиеся профсоюзами ФНПР, являлись лишь частично рабочими и, в основном, как отмечалось, формальными.

В последнее время, на фоне сокращения регистрируемых протестных выступлений (забастовок), социальная активность рабочих

проявляется в иных формах. Отдельные выступления рабочих новейшего времени (завода Форда во Всеволожске, докеров Морского порта Санкт-Петербурга, др.) показывают трансформирование действий рабочих (и профсоюзов) в качественно иную активность, которая может быть названа «неоклассической». Ее отличает сочетание классических и новых черт социального протеста — массовости, организованности, грамотного применения законодательных норм, правил, использование профсоюзов, социальных сетей, современных средств коммуникации для координации действий, предъявление наиболее существенных жизненных требований, опора на широкую солидарность, в т. ч. международную, упорство в отстаивании своих интересов и др. Рабочие и профсоюзы приобрели опыт высокоорганизованной и эффективной борьбы; однако, широкого распространения он не получил¹⁷.

Сформулированные нами в монографии возможные сценарии действий рабочих в перспективе сохраняют свое значение. Рабочий протест сохраняется в фазе потенциального социального конфликта, для которого продолжают существовать основания и который может перейти в открытую форму при наличии отмеченных условий (резкое изменение ситуации, появление повода (спускового механизма), роль которого сейчас может сыграть экономический кризис — появление лидеров, очагов протеста и т. п. Против активизации рабочего протеста продолжают работать такие факторы, как рост их внутренней дифференциации, индивидуализма, современного «пофигизма». В то же время мы полагаем, что во время выступлений возможна солидаризация как бы «поверх» этих факторов, по принципу: «свои» — «чужие», «мы» — «они».

Трансформации в социально-трудовой сфере: динамика, субъекты, связь с инновационным развитием

В этом разделе кратко представлены результаты исследования по последнему НИП (2006–2008 гг.). В определенной мере они являются продолжением предыдущих исследований, но в то же время представляют переход к новой тематике, связанной с изучением инновационных процессов в сфере производства. Был применен расширенный

¹⁷ Максимов Б.И. 1) Докеры открывают перспективу // *Альтернативы*. 2006. № 3. С. 117–131; 2) О чем говорят выступления рабочих завода Форда. // *Альтернативы*. 2007. № 3. С. 98–104.

подход — рассмотрение рабочих в сопоставлении с другими социально-профессиональными группами, в контексте социально-трудовой сферы в целом, а также анализ концептуальных подходов к исследованию социально-трудовой сферы, социальных механизмов трансформаций.

К числу основных результатов выполнения подпроекта относятся в первую очередь выводы из анализа реформенных изменений в производстве как оснований трансформаций в социально-трудовой сфере, показ сложного, своеобразного характера этих изменений и неоднозначности их влияния на социально-трудовые отношения (реформирование отношений собственности, кризис экономики и т. п.). Сочетание общих черт производственно-экономических изменений (их глубина, повышенная скорость, доминирование разрушительных процессов над созидательными, «зигзагообразность» перемен, движение как бы назад, осуществление преобразований путем «революции сверху») обуславливают уникальность трансформаций социально-трудовой сферы.

Рассмотрение существующих концептуальных подходов к исследованию социально-трудовой сферы показало необходимость полипарадигмального подхода ввиду лишь частичной пригодности существующих концепций (в т. ч. концепции Г. Хофштеда, неоинституционалистов, теории трудовых конфликтов Уиллера, «гибкости в трудовых отношениях»)¹⁸, охватывающих лишь отдельные сектора, характеристики трудовых отношений, в принципе, приемлемые, но с неясной практической применимостью). Наиболее приемлемыми (адекватными) признаны два подхода. Первый — при котором рассматриваются социальные механизмы трансформаций и главное внимание обращается на взаимодействие субъектов (акторов) в социально-трудовой сфере, на равнодействующую от соотношения интересов, позиций, авторитетов. Второй подход, вписывающийся в анализ социальных механизмов, имеет в виду упомянутое своеобразие, уникальность («кентавризм») трансформаций социально-трудовых отношений в условиях реформируемой российской экономики, причудливое переплетение классических, советских, новых капиталистических, заимствованных иностранных элементов в период «русского транзита». Эта общая черта составляет «неоклассичность» социально-трудовых отношений (и, соответственно, их трансформаций), принятие ее во внимание и составляет суть «неоклассического» подхода.

В разделе «Трансформации отдельных социально-трудовых отношений и положения работников» заслуживают внимания прежде всего дина-

¹⁸ Цит. по: Становление трудовых отношений в постсоветской России. М.: Академический проект, 2004. С. 6.

мика занятости и оплаты труда, двух основных компонентов социально-трудовой сферы. Здесь трансформации выражаются в изменении компонентов и одновременно (параллельно) — положения работников.

Занятость в период реформ претерпела несколько трансформаций. С началом кардинального этапа реформ бытующая прежде полная занятость приобрела кризисный характер, выразившийся в массовых сокращениях, неполной занятости, появлению безработицы, неравномерной загрузке, неустойчивости положения работников и др. В исследовании нами был раскрыт характер всех этих черт динамики занятости.

Неполная занятость выражалась в формах простоев, отпусков по инициативе администрации, неполных рабочих дней, недели, в «рваных графиках». Своего пика неполная занятость достигла к середине 1990-х гг. (в 1995–1996 гг. более 7% работали неполный рабочий день, почти 50% находились эпизодически в вынужденных отпусках по инициативе администрации). Наибольшей неполная занятость была в промышленности и коснулась практически всех регионов (табл. 1).

Таблица 1. Динамика неполной занятости в России

Год	Работали неполный рабочий день (неделю)		Находились в вынужденных отпусках по инициативе администрации	
	Число работн. (% от средне- списочного)	Неотработанное время, кол-во часов на 1 чел.	Число работников, %	Неотработанное время, кол-во часов на 1 чел.
1995	4,1		49,3	42,4
1996	7,2	27,8	15,8	50,3
1997	5,8	19,2	11,5	37,7
1998	10,1	18,9	11,1	34,9
1999	6,5	11,5	7,9	18,8
2000	3,6	5,7	5,2	11,3
2001	2,6	4,1	4,7	0,3
2002	3,0	3,7	4,7	8,2
2003	1,4	2,7	3,3	5,9
2004	2,0	2,1	2,7	4,7
2005	1,2	1,7	2,2	3,8
2006	0,9	1,2	1,5	2,6
В промышленности				
1998	19,9	45	27,1	93
2006	2,7	3,1	5,2	8,4

Источники: Труд и занятость в России. 2001. Стат. сб. М.: Росстат, 2001. С. 280; Труд и занятость в России. Стат. сб., 2007. С. 281.

Важно отметить, что даже к 2006 г. неполная занятость хотя и многократно снизилась, но не исчезла совсем (в промышленности в 2006 г. 2,7% работников имели неполный рабочий день, 5,2% находились в вынужденных отпусках).

Сходные тенденции наблюдались и сохраняются до последнего времени в динамике безработицы, как основной формы незанятости. Она достигла своего пика также к середине 1990-х, далее стала постоянным спутником российского рынка труда, не исчезающим и мало снижающимся и в период стабилизации, оживления производства, даже наряду с дефицитом кадров (табл. 2).

Таблица 2. Динамика безработицы в России

Годы	Уровень безработицы по методологии МОТ и число зарегистрированных безработных, % от численности экономически активного населения.		Нагрузка (число не-занятых на одну вакансию), чел.	Продолжительность поиска работы, мес.
	Безработные МОТ	Зарегистрировано		
1992	5,2	0,8	12,3	
1993	5,9	1,1	13,6	5,7
1994	8,1	2,2	17,5	6,6
1995	9,5	3,2	21,7	7,4
1996	9,7	3,1	26,5	8,2
1997	11,8	2,7	21,8	8,8
1998	13,3	2,7	27,9	9,1
1999	12,9	1,8	15,9	9,7
2000	10,6	1,7	1,6	9,1
2001	9,0	1,9	1,5	8,2
2002	7,9	2,4	2,1	8,6
2003	8,2	2,6	2,3	8,2
2004	7,8	3,0	2,7	8,5
2005	7,2	2,9	2,5	8,4
2006	7,2	2,7	2,0	8,9

Источник: Труд и занятость в России. Стат. сб., М.: Росстат, 2007. С. 113, 146, 157.

Безработица также коснулась всех регионов страны, при этом в отдельных из них ее уровень доходил до 20, 30, 50 и более процентов. Надо иметь в виду еще и скрытую безработицу. Продолжительность поиска работы высока (8–9 месяцев) и практически не снижается. Число прошедших состояние полностью или частично незанятого сопоставимо с общей численностью ЭАН. Среди профессионально-квалификационных групп наивысший уровень безработица достигала у рабочих. Лишь часть безработных была принята на учет и могла использовать помощь служб занятости населения в защите от безработицы.

В целом безработицу и неполную занятость 1990-х гг., как отмечалось, можно рассматривать как потери, огромную растрату человеческих ресурсов, как с точки зрения производства, так и с точки зрения работников. В безработные выпала работоспособная часть кадров по возрасту, опыту работы, квалификации. Наиболее пострадали от сокращения кадров ведущие, наукоемкие отрасли промышленности, авангард российской индустрии. Для работников пребывание в статусе безработного сопряжено с рядом лишений материального и морального характера. Установлено вредное влияние незанятости на состояние здоровья работников. Лица без определенных занятий, постоянного источника дохода оказываются более склонными к совершению преступлений (так, в 2006 г. их доля среди осужденных составляла 57,2%). Кризис занятости обусловил деградацию корпуса рабочих кадров и привел к их дефициту уже в конце 1990-х гг., росту переработок в различных формах.

Динамика трансформации оплаты труда также несла на себе отпечаток кризисности. Обычно оперируют с номинальной величиной заработной платы, не соотнося ее с индексами инфляции, индексами уровня жизни, показывая непрерывный и высокий рост заработной платы. Однако уровень реальной заработной платы падал в течение всех 1990-х гг.; в 1999 г. она составила 34,7% по отношению к 1990 г. С начала 2000-х реальная заработная плата начала расти, но и в 2006 г. еще не вышла на дореформенный уровень (составила 91,5% к 1990 г.) (табл. 3).

Таблица 3. Изменение среднемесячной реальной заработной платы работников в России, % к 1990 г.

1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
96,6	64,9	65,2	60,1	43,3	49,0	51,4	44,4	34,7	42,0	50,3	58,5	64,9	71,8	80,8	91,5

Источник: Труд и занятость в России. Стат. сб. 2007. М.: Росстат, 2007. С. 369.

При соотношении номинальной заработной платы с прожиточным минимумом (ПМ) и с другими характеристиками уровня жизни (более адекватными в настоящее время являются стоимость минимальной потребительской корзины, рассчитываемая профсоюзами (МПК), субъективная социальная норма (ССН), предлагаемый учеными «стандарт экономической устойчивости семьи с детьми» (СЭУ)) — вырисовывается более верная картина (табл. 4).

Таблица 4. Динамика номинальной заработной платы в соотношении с критериальными индексами уровня жизни в России

Годы	Номинальная зарплата, руб.	ПМ Руб.	МПК руб.	ССН руб.	СЭУ руб.	Отношение заработной платы работников к			
						ПМ	МПК	ССН	СЭУ
1994	220	97,4		317	242	2,2		0,6	0,9
1995	472	297,2		774	742	1,5		0,6	0,6
1996	790	415,6		1427	1037	1,9		0,5	0,7
1997	950	462,4	900	1737	1155	2,0	1,0	0,5	0,8
1998	1051	554,7	2023	1655	1385	1,8	0,5	0,6	0,7
1999	1522	1002,8	2787	2683	2505	1,5	0,5	0,5	0,6
2000	2223	1589	3242	3596	3972	1,4	0,6	0,6	0,5
2001	3240	1629	3910	5300	4072	1,9	0,8	0,6	0,8
2002	4360	1967	4659	6944	4917	2,2	0,9	0,6	0,8
2003	5498	2304	5296	8707	5760	2,3	1,0	0,6	0,9
2004	6739	2602	6137	8845	6505	2,5	1,0	0,7	1,0
2005	8554	3255	7765	11080	8138	2,6	1,1	0,7	1,0
2006	10633	3695		12922	9238	2,8	1,1	0,8	1,1

Источники: Труд и занятость в России. Стат. сб. 2007. М.: Росстат, 2007. С. 370–371, 374; Вестник общественного мнения. 2007. № 4 (90). С. 73; Человек и труд. 2008. № 8. С. 8; Единство. 2006. № 7 (328). С. 16–17.

Как видим, заработная плата, как бы вполне благополучная при сравнении с ПМ, выглядит более скромно при соотношении с другими критериальными индексами. Это соотношение имеет тенденцию к улучшению, но весьма умеренную. Картина еще менее благополучна по данным мониторинга Центра Левады (табл. 5).

Таблица 5. Динамика оплаты труда
по данным мониторинга Центра Левады

Годы	Заработная плата	Средне-душевой доход	ПМ	ССН	Отношение заработн. пл. к		Отношение среднедуш. дохода к	
					ПМ	ССН	ПМ	ССН
1995	488,5	256,7	453,2	774,4	1,0	0,6	0,5	0,3
1998	962,3	512,5	688,3	1655,2	1,3	0,5	0,7	0,3
2000	1823,5	1000,7	1409,2	3596,8	1,2	0,5	0,7	0,2
2001	2895,6	1500,4	1987,7	5300,2	1,4	0,5	0,7	0,2
2003	4734,1	2439,5	3265,2	8707,2	1,4	0,5	0,7	0,2
2005	6373,0	3534,2	4331,1	11080	1,4	0,5	0,8	0,3
2007	14472,7	5798,1	6703,7	14735	2,1	0,9	0,8	0,3

Источник: Вестник общественного мнения. Данные, анализ, дискуссии. 2007. № 4 (90). С. 73.

Согласно табл. 5, реальный размер среднедушевого дохода по отношению к «размеру дохода на одного члена семьи в месяц, чтобы жить нормально», составляет 0,2–0,3.

Динамика условий труда по официальным данным достаточно благополучна: наблюдается стабильность показателей, за исключением небольшого увеличения числа занятых тяжелым физическим трудом, числа пострадавших при несчастных случаях на производстве со смертельным исходом (до 2002 г.). В 2000-е росла численность лиц с профессиональными заболеваниями. По отзывам экспертов из профсоюзных организаций, в 1990-е имело место тенденция общего ухудшения условий труда, особенно в отраслях с тяжелыми, вредными, опасными условиями (в добыче, переработке полезных ископаемых)¹⁹. Практика экономии на охране труда продолжилась и в 2000-е гг. Рабочие дают преимущественно отрицательную оценку условиям труда.

Режимы труда и отдыха оказались нарушенными. Как уже отмечалось, у рабочих неполная, неравномерная загрузка во время кризиса сменилась переработками в различных формах, расширением вторичной занятости. По различным данным, имеют дополнительную работу от

¹⁹ Информационный материал о работе Новокузнецкой территориальной организации за отчетный период 1995–2000 годы. Новокузнецк: Росуглепроф, 2000. С. 33–36.

20 до 50% работников; дополнительный заработок составляет до 30% и более от общей заработной платы. Увеличивается доля не использующих ежегодный отпуск или использующих частично, без оплаты; при этом чем выше степень «частности» предприятия, тем большая доля работников не использует отпуск (до 50 и более процентов).

В социальном страховании, социальном развитии перемены преимущественно с отрицательным знаком, началом их послужил экономический кризис 1990-х гг. Уменьшилось число использующих «листки нетрудоспособности», даже отпуска по беременности и родам; существенно снизилось предоставление работникам материальной помощи, путевок в санатории, пансионаты. Уменьшилось и число санаторно-курортных учреждений, детских загородных оздоровительных лагерей, санаториев-профилакториев на предприятиях ²⁰.

Рассмотрение динамики соблюдения/нарушения социально-трудовых прав работников показывает степень серьезности нарушений, выглядящих без правовой квалификации как бы просто сбойми (например, несвоевременная выдача заработной платы). Нарушения социально-трудовых прав многочисленны и разнообразны. Налицо правовые неграмотность и даже нигилизм как со стороны работодателей, так и наемных работников. Нарушалось в целом право на труд, защиту от безработицы. Простой, вынужденные отпуска нередко оплачивались ниже положенного уровня или не оплачивались совсем. Во время массовых сокращений нарушалось право отдельных категорий на оставление на работе (например, при закрытии шахт увольнялись все работники). В условиях кризиса нарушалось конституционное право на «свободный выбор работы в соответствии со способностями, склонностями»; имела место дискриминация по полу, возрасту, социальным характеристикам. В оплате труда вопиющими нарушениями прав были заниженный МРОТ, упоминаемые задержки заработной платы; несвоевременная индексация заработной платы, отмена законных доплат. Часто нарушалось конституционное право «на охрану, благоприятные условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены», на возмещение ущерба от потери здоровья на производстве, на участие в управлении, на сохранение морального достоинства и др. В целом до 60% работников (по разным показателям) отмечают нарушение их социально-трудовых прав.

По одному из основных направлений анализа — рассмотрению субъектов (акторов) в социально-трудовой сфере и механизмов их

²⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2000. С. 403–404.

взаимодействия получены существенные выводы. Выделение акторов показывает их многочисленность; ввиду этого их взаимодействие оказывается весьма сложным. В субъективном восприятии акторами следствий реформенных перемен есть общие и специфические черты, свойственные отдельным акторам. По данным отдельных обследований Росстата, даже в 2006 г. материальное положение оценивается в основном как «среднее», при этом отрицательные оценки перевешивают положительные почти в 10 раз. Относительно соотношения доходов/расходов семьи основная часть опрошенных считает, что «расходы соответствуют доходам», при этом численность тех, которые «берут в долг или используют сбережения» перевешивает «имеющих возможность откладывать деньги» в 3 раза. Динамика в сторону повышения оценок материального положения незначительная (табл. 6).

Таблица 6. Оценка личного материального положения по данным Росстата (число ответивших, в %)

Оценка положения	2004	2005	2006
Очень хорошее	0,1	0,1	0,3
Хорошее	4,5	5,6	7,1
Среднее	53,2	55,2	55,0
Плохое	34,2	32,1	31,8
Очень плохое	6,9	6,2	4,6
Затрудняюсь ответить	1,0	0,6	1,2

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. 2007. М.: Росстат, 2007. С. 142.

Субъективное восприятие трансформаций разными социально-профессиональными группами существенно различается. По данным упомянутых обследований Росстата, среди рабочих оценивают материальное положение как хорошее в 3–4 раза меньшая часть, чем среди руководителей, специалистов²¹. В силу разницы позиций различались и действия субъектов. Трансформации в значительной степени — результат взаимодействия акторов (или их односторонних действий, при доминировании какой-то группы).

Государство в начале кардинального этапа реформ, как главный актор «революции сверху», выступало инициатором перемен, гарантом,

²¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. 2007. М.: Росстат, 2007. С. 142.

обеспечивающим их ход, в т. ч. и в социально-трудовой сфере. По вопросам занятости были выпущены законодательные акты, созданы службы занятости, органы по разрешению трудовых споров, предусмотрены выплаты пособий безработным и др. Однако на этапе реализации реформ государство заняло позицию, многими называемую позицией самоустранения. Оказалась непредусмотренной разрушительность некоторых преобразований в связи с экономическим кризисом. Соответствующие коррективы не были приняты. Так, службы занятости никак не воздействовали на массовые сокращения работников; контрольные органы (Гострудинспекция и др.) вмешивались лишь в отдельные конфликты, несчастные случаи на производстве, вопросов занятости не касались; суды вставали на сторону работодателей.

Работодатели, администрация в вопросах занятости обычно выбирали путь наименьшего сопротивления: прибегала к сокращению кадров как к наиболее простому и дешевому для нее выходу из положения, приносила в жертву в первую очередь рабочих, во вторую — служащих, сохраняя топ-менеджеров, которые обычно были в числе совладельцев.

Наемные работники, и рабочие, прежде всего, с самого начала реформирования производства были исключены из процесса принятия решений, не считая исключением формального голосования за приватизацию и выборе ее варианта («варианта льгот»). Можно сказать, что они были объектами преобразований. Решения о сокращениях при прежнем КЗоТе должны были быть согласованы с профсоюзом, как представителем работников, но администрация обычно почти беспрепятственно получала согласие традиционных профсоюзов. Сами наемные работники, воспринимавшие депривации в сфере занятости как нечто неизбежное, лишь в отдельных случаях протестовали против сокращений, нередко были даже солидарны со своей администрацией, демонстрируя «понимание», «вхождение в ее положение». Федерации профсоюзов ввиду «безальтернативности реформ» принимали и «неизбежное» появление безработицы.

В значительной мере в результате такого сложения сил прошли массовые сокращения кадров, произошли «великие перемещения» рабочих, появилась безработица, рынок труда начал «избавляться от излишней численности».

В вопросах оплаты труда государство, как и в занятости, провело законодательную подготовку (установление МРОТа, ПМ как ориентира), этим и ограничившись, сняв одновременно все прежние регуляторы

в оплате труда. Как и в занятости, оно в дальнейшем не вмешивалось в отношения по оплате труда, даже при известных вопиющих нарушениях по задержкам заработной платы, сохраняя позицию поддержки (хотя бы потенциальной) собственников (только на значительно поздних этапах установило ответственность работодателей за задержки). Работодатели и здесь получили свободу действий, использовали МРОТ, ПМ как основание для низкого уровня оплаты труда, практиковали невыплаты заработка, неоплату простоев, надбавок, увода заработной платы в «тень», непроведение индексации заработной платы, произвольное определение ее размера и др. Здесь также администрация стремилась преодолеть трудности кризиса, обеспечить выживание, успех предприятий за счет наемных работников. Наемные работники, как известно, проявили активность в сфере оплаты, но только протестную, не конструктивную как со-субъекта построения систем вознаграждения за труд. А в протестной активности предметом были почти исключительно задержки зарплат. Требования по поводу размера практически не служили причиной протестных акций. Только в начале 2000-х годов такие требования вышли на первый план.

Результатом сложения позиций субъектов были падение уровня оплаты труда, распространение произвольности, скрытости заработков, их роста за счет переработок, дополнительной работы; сильнейшая дифференциация оплаты труда.

Сходная картина и в условиях труда. Здесь также государство присутствовало, устанавливая законодательные нормы по охране труда, создавая контрольные органы — но тоже в основном незримо. Администрация в условиях кризиса экономила на охране труда, используя кризисную ситуацию для оправдания низкой заботы об условиях труда; сами работники, профсоюзы практически не протестовали против ухудшения условий, иногда проявляли встречную готовность жертвовать здоровьем ради сохранения места работы, заработка. В период стабилизации производства системы охраны труда начали восстанавливаться, но, как правило, они еще не стали объектом совместных усилий акторов. В других аспектах социально-трудовых отношений — по поводу режимов труда и отдыха, социального страхования, социального развития, повышения квалификации, профессионального роста, участия в управлении и др. — взаимодействие социальных акторов имеет схожий характер, с некоторыми специфическими чертами.

При анализе трансформаций в социально-трудовой сфере с точки зрения инновационного развития, предметом рассмотрения в

целом стали социально-трудовая составляющая инновационной деятельности, инновации в самой социально-трудовой сфере, их субъекты, социальные механизмы, значение, роль социальных инноваций, нововведений в социально-трудовых отношениях для инновационного развития производства.

В настоящее время в изучении инноваций господствует технократический подход, что отмечает и Б.Г. Тукумцев, проведший анализ исследований, деятельности по данной проблеме²². В то же время ряд исследований социологов, начиная с 1980-х гг., показывает наличие и значимость социологического аспекта инновационного развития. Это исследование социальных механизмов инновационной деятельности (Л.Я. Косалс и др.)²³, анализ интересов различных участников нововведений, совокупности формальных и неформальных правил, норм, регулирующих взаимодействие участников, исследование социальной и экономической эффективности инноваций (В.И. Кабалина и др.)²⁴, циклов инноваций, в т. ч. социальных (А.И. Пригожин),²⁵ вопросов мотивации инновационной деятельности (В.Г. Садков, О.Б. Кузнецова)²⁶; «построение баланса разноречивых интересов участников инновационного процесса» (В.Г. Зинов)²⁷ и др.; отдельно стоит отметить подход Б.Г. Тукумцева, введшего и использующего плодотворное понятие инновационной культуры²⁸.

Артикуляция субъектов, социальных механизмов, инноваций в социально-трудовой сфере появилась в такой значимой инновации, как введение нового Трудового кодекса. Число потенциальных и реальных

²² *Тукумцев Б.Г.* Методологические предпосылки исследования инновационной культуры в научных организациях // Наука и высшая школа в инновационной деятельности. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 22–24.

²³ *Косалс Л.Я.* Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989.

²⁴ *Инновации в постсоветской промышленности* / Под ред. *В.И. Кабапиной*. Ч. 1. Сыктывкар, 2000; Ч. 2. М.: ИСИТО, 2001.

²⁵ *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М.: Интерпраксис, 1995. С. 199–200.

²⁶ *Садков В.Г., Кузнецова О.Б.* Социальные инновации в управлении процессами согласования интересов власти, бизнеса и общества // *Инновации*. 2007. № 8 (106). С. 45–47.

²⁷ *Зинов В.Г.* Основная проблема развития инновационной деятельности // *Инновации*. 2004. № 2. С. 25–27.

²⁸ *Тукумцев Б.Г.* Культура инновационной деятельности в научных учреждениях и возможность ее социологической оценки // *Глобализация в российском обществе: сб. научных трудов*. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 47–98.

участников (субъектов, акторов) здесь было велико. Введение Кодекса касалось, кроме работодателей, наемных работников, различных органов власти, также объединений работодателей, наемных работников, общественных, политических организаций. Важно было иметь их всех в виду, осуществлять вовлечение в подготовительную деятельность, включение в соответствии с характером, интересами субъектов, их ролью в инновационном процессе. Система взаимодействия должна была позволить каждому актору «сыграть свою роль», внести вклад, реализовать свой потенциал. Ввиду разноречивости интересов, неравноправного положения субъектов трудовых отношений, необходимы были согласование интересов, специальные усилия по вовлечению в процесс «слабых» субъектов (здесь в первую очередь — группы рабочих).

Однако на практике, при введении ТК, эти принципы не соблюдались. Даже из основных субъектов трудовых отношений не все были включены в число участников подготовки нового трудового законодательства. Роль монопольного субъекта взяло на себя государство в лице законодательной и исполнительной власти. Исполнительная власть подготовила свой вариант закона и упорно проталкивала его, игнорируя сопротивление других субъектов. При этом государство занимало одностороннюю позицию, не выступало арбитром, проявляло фактически «классовый» подход. Наемным работникам оставалась возможность осуществлять свое участие в протестной форме. В результате был принят кодекс, реализующий, по общему мнению, приоритет интересов работодателей и ущемление позиции наемных работников, их объединений, не способствующий развитию социального партнерства.

Перспективным направлением работы становится анализ социальных механизмов инновационной деятельности не только в социально-трудовой сфере, но и в сфере производства в целом, в первую очередь — в промышленности, как реализационного звена (этапа) жизненного цикла инноваций.